

А. 211, XXXII

4303

ЛЕТОПИСЬ ЗАНЯТИЙ

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

за 1919—1922 годы.

ВЫПУСК ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ

под редакцией

заместителя председателя

В. Г. Дружинина.

ПЕТРОГРАД.

1923.

V. B. Г. Дружинин довел до сведения Комиссии, что, по полученным им известиям, ризница Соловецкого монастыря находится ныне в ведении Отдела охраны памятников искусства и старины, братия из монастыря выселена, а монастырь обращен в дом отдыха. Отдел охраны предполагает командировать весной своего агента в монастырь для осмотра ризницы. Было бы поэтому желательно войти в сношения с Отделом в целях извлечения из монастыря остатков архива и особенно грамот, кои, благодаря противодействию братии, не могли быть вывезены в Пермь, и теперь легко могут погибнуть.

Определено: Поручить В. Г. Дружинину навести точные справки в Отделе охраны о ризнице Соловецкого монастыря и, если им предполагается командировать туда агента весной, то просить Российской Академии Наук о совместном командировании туда представителя Комиссии с целью извлечения грамот из ризницы в Петроград.

VI. B. Г. Дружинин представил на усмотрение Комиссии ходатайство А. И. Андреева о предоставлении ему для ознакомления единственного хранящегося в Комиссии экземпляра Перечня изданных актов, составленного покойным А. А. Куником.

Определено: Предоставить.

Записка Н. П. Лихачева о составе его архива.

(Приложение к III статье).

Н. П. Лихачев изложил историю собирания им актов, со времени начала которого минуло уже сорок лет. Еще гимназистом, увлекающимся нумизматикой и историей, Н. П. Лихачев попал в круг знакомых семьи А. Н. Островского (брата драматурга) и через Островских познакомился с профессорами М. П. Петровским и С. М. Шпилевским. С поступлением в 1880 г. в Казанский Университет, Н. П. Лихачев познакомился с профессорами Загоскиным, Фирсовым, Корсаковым. С первого курса Историко-Филологического Факультета внимание Н. П. Лихачева начало сосредоточиваться на документах, как историческом источнике, и быстро перенеслось к вопросу о подлинниках и копиях, а затем и к критике текста (в связи с возникшим интересом к изучению разрядов и к генеалогическим изысканиям).

Во время студенчества у Н. П. Лихачева образовалось небольшое собрание отдельных документов XVII—XVIII столетий, главным образом, касающихся служилого класса Поволжья. Когда Н. П. Лихачев уезжал из Казани для написания диссертации с вполне определившимся уже специальностью, А. Н. Островский подарил ему свое собрание актов фамилии Люткиных, к каковому через несколько лет Н. П. Лихачев присоединил и более древнюю часть этих документов, уступленную ему его родственниками Осокиными.

акты Люткиных были напечатаны Археографическою Комиссиою по предложению проф. Д. А. Корсакова.

С переездом в Петербург и с окончательным в нем обоснованием, Н. П. Лихачев не терял связи с родовым гнездом в Поволжье, и ежегодные летние поездки сопровождались обходом мест, где можно было расчитывать на приобретение какой либо рукописи или документа. Казанский Толчек, Нижегородский Балчуг (и знаменитая ярмарка), Московская Сухаревка, Петербургский Апраксин двор и Александровский рынок были использованы по мере возможности. Постепенно Н. П. Лихачев познакомился в Москве с антикварами Шибановым, Большаковым, Востриковым, Силиным, Параделовым, Старицким, Фаддеевым, антикварами Леонтьевского переулка, в Петербурге — Кирилловым, Большаковым, Шитиковым, Казаковым и другими.

В Мстере Н. П. Лихачев вступил в сношения с Мстерскими иконниками; особенно плодотворно было знакомство со старинщиками из Данилова, приезжавшими в Петербург и Москву с Вологодским маслом и сушеными грибами.

Случалось выписывать акты и из за-границы. Например, после смерти одного собирателя автографов в Чикаго, на аукционе, через посредство немецкого антиквара, удалось приобрести как „автографы“ три грамоты, одну Бориса Федоровича и две Михаила Федоровича, данные Кириллову Белозерскому монастырю. Как известно, весьма значительная часть архива Кириллова монастыря в начале 80-х гг. попала к антиквару П. Шибанову. Американец, проходя по Старой площади, соблазнился грамотами, выставленными в окнах.

Столь же случайно было приобретение от одного иконника (в середине 90-х гг.) подлинной переписной книги Псково-Печерского монастыря, времени архимандрита Порфирия (1634—1637 гг.), извлеченной иконником из монастырского отхожего места. Как видно из предъявленной Н. П. Лихачевым рукописи, из нее грубо выдраны, кроме начальных и конечных листов, несколько листков в разных местах в середине, что, впрочем, не вполне лишило документ его научного значения.

За исключением части собрания Ф. А. Бычкова, Н. П. Лихачев приобретал не коллекции собирателей, а на рынке случайные поступления в продажу отдельных документов и небольших частичек частновладельческих и монастырских архивов.

Особняком стоят акты Спасо-Прилуцкого монастыря, документы из архива которого появились в 90-х гг. на рынках Петербурга и Москвы и стали поступать в различные казенные и частные собрания. Н. П. Лихачев через старинщиков следил за появлявшимися сериями актов и дав понять, что он гораздо дороже ценит все относящееся до времени 1613 г., успел получить очень много документов и книг XVI-го и первой половины XVII веков. Книги казначайские и книги соляных промыслов представляют богатый

акты Люткиных были напечатаны Археографическою Комиссиою по предложению проф. Д. А. Корсакова.

С переездом в Петербург и с окончательным в нем обоснованием, Н. П. Лихачев не терял связи с родовым гнездом в Поволжье, и ежегодные летние поездки сопровождались обходом мест, где можно было расчитывать на приобретение какой либо рукописи или документа. Казанский Толчек, Нижегородский Балчуг (и знаменитая ярмарка), Московская Сухаревка, Петербургский Апраксин двор и Александровский рынок были использованы по мере возможности. Постепенно Н. П. Лихачев познакомился в Москве с антикварами Шибановым, Большаковым, Востриковым, Силиным, Параделовым, Старицким, Фаддеевым, антикварами Леонтьевского переулка, в Петербурге — Кирилловым, Большаковым, Шитиковым, Казаковым и другими.

В Мстере Н. П. Лихачев вступил в сношения с Мстерскими иконниками; особенно плодотворно было знакомство со старинщиками из Данилова, приезжавшими в Петербург и Москву с Вологодским маслом и сушеными грибами.

Случалось выписывать акты и из за-границы. Например, после смерти одного собирателя автографов в Чикаго, на аукционе, через посредство немецкого антиквара, удалось приобрести как „автографы“ три грамоты, одну Бориса Федоровича и две Михаила Федоровича, данные Кириллову Белозерскому монастырю. Как известно, весьма значительная часть архива Кириллова монастыря в начале 80-х гг. попала к антиквару П. Шибанову. Американец, проходя по Старой площади, соблазнился грамотами, выставленными в окнах.

Столь же случайно было приобретение от одного иконника (в середине 90-х гг.) подлинной переписной книги Псково-Печерского монастыря, времени архимандрита Порфирия (1634—1637 гг.), извлеченной иконником из монастырского отхожего места. Как видно из предъявленной Н. П. Лихачевым рукописи, из нее грубо выдраны, кроме начальных и конечных листов, несколько листков в разных местах в середине, что, впрочем, не вполне лишило документ его научного значения.

За исключением части собрания Ф. А. Бычкова, Н. П. Лихачев приобретал не коллекции собирателей, а на рынке случайные поступления в продажу отдельных документов и небольших частичек частновладельческих и монастырских архивов.

Особняком стоят акты Спасо-Прилуцкого монастыря, документы из архива которого появились в 90-х гг. на рынках Петербурга и Москвы и стали поступать в различные казенные и частные собрания. Н. П. Лихачев через старинщиков следил за появлявшимися сериями актов и дав понять, что он гораздо дороже ценит все относящееся до времени 1613 г., успел получить очень много документов и книг XVI-го и первой половины XVII веков. Книги казначайские и книги соляных промыслов представляют богатый

систематический подбор, заемные кабалы с начала XVI и до второй четверти XVII столетия в количестве нескольких сот позволяют проследить изменения экономических условий.

Документы других монастырей, как то: Кириллова-Белозерского, Коряжемского, Костромского Борисоглебского и др. представлены лишь фрагментарными группами или единичными немногими актами.

Собрания частновладельческих документов происходят из разнообразных местностей. По „уездам“, если так можно выразиться о каждой местности, касаясь иногда нескольких, иногда и многих фамилий, акты географически расположены в пределах уездов: Казани, Симбирска, Нижнего-Новгорода, Мурома, Костромы, Вологды, Устюга, Ваги, Двины, Новгорода и т. д. И в этих собраниях, в небольшом, правда, числе, но все-таки имеются документы и до 1613 г.

Весьма значительно в собраниях Н. П. Лихачева число частновладельческих документов XVIII в., представляющих интерес в бытовом отношении (особенно рядные и духовные), в области автографов и для истории гербовой бумаги.

Н. П. Лихачев указал на те причины, по которым он медлил использовать свое собрание. Во первых, требовалась кропотливая справка, не был ли издан тот или иной акт прежними владельцами; во вторых, каждая группа частновладельческих документов вызывала желательность, а иногда и необходимость архивных изысканий и дополнений; Н. П. Лихачев, занятый ежедневной службой в Российской Публичной Библиотеке, не имел на то времени. Основной же и главной причиной являлось предположение использовать предварительно все лучшие оригиналы как иллюстрацию широко задуманного труда „документы и автографы“, сборника дипломатических и археографических экспкурсов, обильно снабженного снимками с актов, автографов, печатей и т. п. Предполагалось иллюстрировать сборник так, чтобы как можно менее пользоваться готовыми снимками в русских и иностранных палеографических и археографических изданиях.

Четверть века подбирался Н. П. Лихачевым материал и к 1916 году сфрагистическая часть, существовавшая носить название: „Материалы для истории Русской и Византайской сфрагистики“, была почти готова. В настоящее время восемьдесят три таблицы и сотни клише приготовлены, содержание таблиц описано. Текст исследования имеет уже несколько глав.

Обстоятельства военного времени приостановили приготовления к изданию дипломатической части, приостановили и снятие фотографий и подбор материала по отделам и главам.

Трудные обстоятельства нашего времени не позволяют собирателю надеяться выполнить задуманное самому, и Н. П. Лихачев решил привлечь к своим материалам молодых исследователей.

Предлагая Археографической Комиссии для издания собрание русских документов, Н. П. Лихачев полагал бы, чтобы все, заслуживающее напечатания

акты Люткиных были напечатаны Археографическою Комиссиою по предложению проф. Д. А. Корсакова.

С переездом в Петербург и с окончательным в нем обоснованием, Н. П. Лихачев не терял связи с родовым гнездом в Поволжье, и ежегодные летние поездки сопровождались обходом мест, где можно было расчитывать на приобретение какой либо рукописи или документа. Казанский Толчек, Нижегородский Балчуг (и знаменитая ярмарка), Московская Сухаревка, Петербургский Апраксин двор и Александровский рынок были использованы по мере возможности. Постепенно Н. П. Лихачев познакомился в Москве с антикварами Шибановым, Большаковым, Востриковым, Силиным, Параделовым, Старицким, Фаддеевым, антикварами Леонтьевского переулка, в Петербурге — Кирилловым, Большаковым, Шитиковым, Казаковым и другими.

В Мстере Н. П. Лихачев вступил в сношения с Мстерскими иконниками; особенно плодотворно было знакомство со старинщиками из Данилова, приезжавшими в Петербург и Москву с Вологодским маслом и сушеными грибами.

Случалось выписывать акты и из за-границы. Например, после смерти одного собирателя автографов в Чикаго, на аукционе, через посредство немецкого антиквара, удалось приобрести как „автографы“ три грамоты, одну Бориса Федоровича и две Михаила Федоровича, данные Кириллову Белозерскому монастырю. Как известно, весьма значительная часть архива Кириллова монастыря в начале 80-х гг. попала к антиквару П. Шибанову. Американец, проходя по Старой площади, соблазнился грамотами, выставленными в окнах.

Столь же случайно было приобретение от одного иконника (в середине 90-х гг.) подлинной переписной книги Псково-Печерского монастыря, времени архимандрита Порфирия (1634—1637 гг.), извлеченной иконником из монастырского отхожего места. Как видно из предъявленной Н. П. Лихачевым рукописи, из нее грубо выдраны, кроме начальных и конечных листов, несколько листков в разных местах в середине, что, впрочем, не вполне лишило документ его научного значения.

За исключением части собрания Ф. А. Бычкова, Н. П. Лихачев приобретал не коллекции собирателей, а на рынке случайные поступления в продажу отдельных документов и небольших частичек частновладельческих и монастырских архивов.

Особняком стоят акты Спасо-Прилуцкого монастыря, документы из архива которого появились в 90-х гг. на рынках Петербурга и Москвы и стали поступать в различные казенные и частные собрания. Н. П. Лихачев через старинщиков следил за появлявшимися сериями актов и дав понять, что он гораздо дороже ценит все относящееся до времени 1613 г., успел получить очень много документов и книг XVI-го и первой половины XVII веков. Книги казначайские и книги соляных промыслов представляют богатый

систематический подбор, заемные кабалы с начала XVI и до второй четверти XVII столетия в количестве нескольких сот позволяют проследить изменения экономических условий.

Документы других монастырей, как то: Кириллова-Белозерского, Коряжемского, Костромского Борисоглебского и др. представлены лишь фрагментарными группами или единичными немногими актами.

Собрания частновладельческих документов происходят из разнообразных местностей. По „уездам“, если так можно выразиться о каждой местности, касаясь иногда нескольких, иногда и многих фамилий, акты географически расположены в пределах уездов: Казани, Симбирска, Нижнего-Новгорода, Мурома, Костромы, Вологды, Устюга, Ваги, Двины, Новгорода и т. д. И в этих собраниях, в небольшом, правда, числе, но все-таки имеются документы и до 1613 г.

Весьма значительно в собраниях Н. П. Лихачева число частновладельческих документов XVIII в., представляющих интерес в бытовом отношении (особенно рядные и духовные), в области автографов и для истории гербовой бумаги.

Н. П. Лихачев указал на те причины, по которым он медлил использовать свое собрание. Во первых, требовалась кропотливая справка, не был ли издан тот или иной акт прежними владельцами; во вторых, каждая группа частновладельческих документов вызывала желательность, а иногда и необходимость архивных изысканий и дополнений; Н. П. Лихачев, занятый ежедневной службой в Российской Публичной Библиотеке, не имел на то времени. Основной же и главной причиной являлось предположение использовать предварительно все лучшие оригиналы как иллюстрацию широко задуманного труда „документы и автографы“, сборника дипломатических и археографических экспкурсов, обильно снабженного снимками с актов, автографов, печатей и т. п. Предполагалось иллюстрировать сборник так, чтобы как можно менее пользоваться готовыми снимками в русских и иностранных палеографических и археографических изданиях.

Четверть века подбирался Н. П. Лихачевым материал и к 1916 году сфрагистическая часть, существовавшая носить название: „Материалы для истории Русской и Византайской сфрагистики“, была почти готова. В настоящее время восемьдесят три таблицы и сотни клише приготовлены, содержание таблиц описано. Текст исследования имеет уже несколько глав.

Обстоятельства военного времени приостановили приготовления к изданию дипломатической части, приостановили и снятие фотографий и подбор материала по отделам и главам.

Трудные обстоятельства нашего времени не позволяют собирателю надеяться выполнить задуманное самому, и Н. П. Лихачев решил привлечь к своим материалам молодых исследователей.

Предлагая Археографической Комиссии для издания собрание русских документов, Н. П. Лихачев полагал бы, чтобы все, заслуживающее напечатания

ДЕКАБРЬ 1921 г.

67

житым текстом, составило бы один или несколько томов „Русской Исторической Библиотеки“ с заголовком: „Архив Н. П. Лихачева“, а все акты избрания вообще получили бы по отдельным группам каталогизацию типа прекрасных описей Археографической Комиссии. Такие описания должны были бы найти место в „Летописи Занятий“, или что более желательно, если возможно, в тех же томах „Русской Исторической Библиотеки“.